

М.С. Комаров

Человек и общество в эпоху постмодернизма

Доминирующей позицией в объяснении современного этапа развития западной цивилизации остается концепция постиндустриального общества как социального устройства, пришедшего на смену обществу индустриальному, капиталистическому. Теория постиндустриального общества, сформулированная более трех десятилетий назад американским социологом Д. Беллом и поддержанная многими западными учеными, подчеркивает определяющую роль технико-экономических факторов в становлении постиндустриального общества – информационной технологии, научно-теоретического знания, преобладания сферы услуг над сферой производства, размывания классовой структуры и замены ее профессиональной и др. Однако присущий этой концепции технологический детерминизм игнорировал чрезвычайно важные и постоянно аккумулируемые в западном обществе социокультурные изменения, вызванные распространением массовой культуры, ростом потребительских интересов, изменениями в общественной морали и т.п.

В отличие от американской социологии, остающейся на позициях технократизма и сциентизма, западноевропейская социальная наука оказалась гораздо более чуткой к новым социокультурным реалиям позднего капитализма. Европейская социология, оспаривая доминирующее положение американской науки в западном мире, всегда отличалась от последней глубокой социально-философской рефлексией, критическим восприятием достижений капиталистической цивилизации. Их противостояние особенно остро проявляется в интерпретации и оценке современного этапа развития западного общества, который в западноевропейской социологии и философии именуют эпохой по-

стмодернизма или постмодерна, акцентируя внимание на процессах утраты и размывания фундаментальных ценностей эпохи модернизма (развитого капитализма), тесно связанных с приоритетами научно-технического прогресса и рационального познания. Нужно сказать, что в последние годы интерпретация современного западного общества как постмодернистского, начинает получать некоторое признание и в англо-американской академической социологии, но здесь исследование новых социальных реалий ведется в рамках объективного социологического подхода, чуждого философской рефлексии и критической оценки.

В чем же состоят наиболее характерные черты постмодернистского общества, какое место в нем занимает человеческая личность, и каковы взаимоотношения между личностью, обществом и культурой в контексте наступивших перемен? Однозначные и исчерпывающие ответы на эти глобальные вопросы дать весьма сложно, так как существует множество различных воззрений на природу западного общества и его культуру. Представляется целесообразным выделить из пестрого многообразия подходов две основные позиции, объединяемые общей оценкой современного этапа развития западного общества как эпохи постмодернизма, но они базируются на принципиально различных методологиях и исходят из различных перспектив видения фундаментальных проблем взаимоотношения личности, общества и культуры. Вместе с тем анализ двух основополагающих позиций позволяет лучше увидеть как объективные, так и субъективные стороны эпохи постмодернизма.

Первый подход представлен немногочисленными работами ряда американских и английских исследователей, придерживающихся традиционной методологии, принимающей стандарты рационально-научного, объективного социального познания. Вторая позиция, получившая широкое распространение в европейской социальной науке, в значительной степени опирается на принципы философии постмодернизма, включающей в себя идеи экзистенциализма, неофрейдизма, критические теории Франкфуртской школы и постструктурализма [1]. Поскольку в этой концепции упор делается на характерные особенности постмодернистского общества и оно противостоит предшествующему этапу развития, то ее можно условно назвать сильной версией постмодерна.

Первая позиция представляет собой попытку социологов академической ориентации

понять новые тенденции западной цивилизации как явление прежде всего культурного порядка, как культуру постмодерна, но не противоречащей самой сути постиндустриального общества, а в определенной мере его дополняющей. Поэтому ее можно обозначить как слабую версию постмодерна. Наибольший интерес среди работ подобного рода представляет исследование американского социолога Р. Инглхарта и английского ученого А. Гидденса.

Исследования Р. Инглхартом эпохи постмодерна привлекает внимание тем, что его обобщения и выводы подкрепляются большим фактическим материалом [1]. Сравнительный анализ более чем сорока стран по уровню социально-экономического и политического развития, доминирующих в них систем ценностей приводит его к выводу о том, что существует тесная зависимость между социально-экономическими и политическими достижениями (уровень реальной демократии), с одной стороны, и субъективными мироощущениями, базовыми ценностями людей, с другой. Р. Инглхарт утверждает, что в индустриально развитых странах Запада в последние два десятилетия произошли качественные изменения, сформировалась новая система ценностей, значительно отличающаяся от той, которая господствовала в предшествующую эпоху индустриального развития. Каковы же эти новые культурные ценности?

Основной вектор в изменении мироощущения людей, по мнению американского социолога, представляет собой сдвиг от приоритета материальных ценностей к "постматериальным ценностям", когда на первый план выдвигается качество жизни и возможность самовыражения личности. "Экономическая безопасность теперь не является синонимом счастья, на первом месте теперь качество жизни, субъективная экзистенциальная безопасность" [2.С.16]. Понятие "качество жизни", получившее распространение на западе еще в 70-е годы, включает в себя не только материальное благополучие, но и ряд других важных аспектов жизнедеятельности человека, дающих ему ощущения психологического комфорта – высокий уровень медицинского обслуживания, качественное образование, безопасная экологическая среда, гарантия прав человека и его личной свободы, предполагающая выбор индивидуального стиля жизни и возможность самоактуализации личности. Последний аспект как раз и означает то, что американский социолог именует "экзистенциальной безопасностью",

или "созданием в обществе постмодерна неданного ранее состояния безопасности, уверенности в завтрашнем дне" [2.С.23].

Опираясь на данные сравнительного социологического анализа различных стран за период с 70-х – начала 90-х годов, Р. Инглхарт прослеживает влияние новых постмодернистских ценностей на все уровни общественной организации. Так, в экономической области ориентация на "экономическую безопасность", и связанный с ней акцент на качество жизни становятся более важными, чем традиционная ориентация на экономический рост. Наблюдается четко выраженный сдвиг в базовых ценностях людей с обеспечения работой и получения максимального дохода в сторону растущих запросов на интересную и творческую работу. В связи с этим отмечается, что "рост управления (менеджмент) становится функционально неэффективен и превращается в угрозу автономии индивида". В области политики, по мнению американского ученого, наблюдается падение авторитета власти, ослабление регулирующей роли государственных институтов в целом. Но вместе с тем растет политическая активность людей, получают распространение различные общественные движения – рабочее, женское, экологическое, движение национальных меньшинств и др. Заметим, что эта тема живо обсуждается в западной социальной науке и многие ученые обращают внимание на тот факт, что социальные движения в настоящее время все больше вытесняют классовую борьбу. Анализируя основополагающую тенденцию в политике эпохи постмодернизма, Р. Инглхарт подчеркивает, что ей присущ "сдвиг в направлении от политического конфликта на классовой основе, характерного для индустриального общества, к усиливающемуся акцентированию проблем культуры и качества жизни" [2.С.20]

В области духовной жизни американский социолог обращает внимание на усиление секуляризации религии и снижение авторитета церкви, хотя вместе с тем вопросы смысла жизни и самопознания становятся все более актуальными. Наибольшим трансформациям подвергается социальный институт семьи, возникает новая мораль, позволяющая индивиду осуществлять свободный выбор партнера, общество более терпимо относится к внебрачным и добрачным отношениям, гомосексуальным связям.

Если попытаться дать общую оценку исследованиям Р. Инглхарта проблематики постмодернистского общества и культуры, то

следует признать неоригинальность многих его обобщений и выводов. Большинство приводимых им характеристик западного общества эпохи постмодерна ранее неоднократно обсуждались в социологических публикациях. Его заслуга состоит в том, что он сумел обобщить и систематизировать большой фактический материал, на основе которого попытался создать целостную картину наиболее существенных особенностей эпохи постмодернизма. Но далеко не все его оценки и выводы бесспорны. Например, он считает "экзистенциальную безопасность" одним из безусловных достижений постмодернистского общества. Однако многие исследователи утверждают прямо противоположное, справедливо указывая на то обстоятельство, что ослабление регулятивной и нормативной роли социальных институтов обостряет проблему самоидентификации личности, порождает страх и неуверенность индивида, несмотря на значительные социальные и правовые гарантии со стороны государства. Весьма спорным представляется и вывод Р.Инглхарта об ослаблении "инструментальной рациональности" в эпоху постмодернизма, так как ее значение широко признается в западной социальной науке со времени М.Вебера и она ассоциируется с развитием рыночной экономики, научно-техническим прогрессом и рациональной политикой, формированием правового государства.

Другой представитель академической западной социологии, английский ученый А.Гидденс, подобно Р.Инглхарту стремится увязать происходящие в странах запада макросоциальные процессы с изменениями в мироощущениях людей, их социокультурном бытии, но предлагает несколько иную интерпретацию событий. Исследования английского ученого интересны прежде всего тем, что в них отчетливо присутствует полемика со сторонниками ортодоксальной постмодернистской социологии, о которой подробнее будет сказано ниже. В противовес этой позиции он называет современную стадию развития западного общества не постмодернизмом, а "поздним (высоким) модерном", подчеркивая тем самым преемственность социокультурных реалий современности с предшествующим периодом модернизма (зрелого капитализма).

Заслуживает внимания анализ английским социологом причин ускорения социальных изменений, характерных для эпохи "поздней модерности". В отличие от технологического детерминизма, присущего сторонникам

концепции постиндустриального общества, А.Гидденс исходит из более широкого взгляда на социальное развитие, основывая свое исследование в значительной мере на идеях мир-системного анализа И.Валлерстайна, но при этом он обращает пристальное внимание и на проблемы человеческого существования. Своеобразие развития современного западного общества, по мнению А.Гидденса, определяется следующими обстоятельствами: 1) возрастанием скорости изменения всех социальных процессов; 2) феноменом "глобализма", то есть усиливающимся взаимодействием всех стран и регионов мира, и как следствие, вестернизации не-западных стран; 3) изменением внутренней природы и содержанием деятельности социальных институтов [3.С.15].

Указанные тенденции развития западной цивилизации, заявляет английский социолог, идут параллельно с возрастанием роли человеческого фактора во всех сферах общественной жизни. Этому процессу в значительной мере способствуют новые социокультурные условия. Во-первых, это взаимодействие и взаимосвязь локальной культуры, отдельной страны с общемировыми процессами, что закономерно ведет к взаимному обогащению различных культур. Во-вторых, отсутствие привязанности человеческой жизнедеятельности к определенному, фиксированному месту проживания формирует "механизм высвобождения" человеческой деятельности и таким образом раскрепощает человека, его творческий потенциал. Этому не в малой степени способствуют знаковые средства обмена (деньги) и экспертные системы – работа врачей, юристов, архитекторов и других специалистов, позволяющих любому человеку эффективно решать различные проблемы. В-третьих, это феномен "рефлексивного усвоения научного знания", под которым подразумевается эффективное воздействие науки на развитие общества. Признавая, как и большинство западных социологов академической ориентации, необходимость социальной интеграции для нормального развития общества, английский ученый наряду с этим отмечает, что нарождающийся новый социальный порядок несет на себе печать растущей плюрализации культуры, ослабления роли традиционных социальных общностей – семьи, церкви, нации, класса, с которыми привычно идентифицировал себя человек предшествующей индустриальной эры. Усиливающаяся социальная диффузия и размытость социальной структуры общества заставляют по-новому взглянуть на

проблему человека и социальной идентификации личности, которую А.Гидденс рассматривает в специальном исследовании [1]. О проблеме идентификации личности, ее самоактуализации в эпоху постмодернизма мы поговорим несколько позднее, а сейчас постараемся выяснить, каким образом приверженцы постмодернистской социологии трактуют современное западное общество, какие новые реалии они стремятся понять и исследовать.

Главная идея постмодернистской философии и социологии, говоря словами Ж. Лиотара, состоит в том, чтобы "перечитать современность", что означает формирование принципиально нового взгляда на современное западное общество, существенными характеристиками которого провозглашаются "децентрализация" и "деконструкция", призванные отразить присутствие современной социальной жизни фрагментарность, хаос, неопределенность. Подобный взгляд на современность как эпоху, сходную в некоторых существенных чертах со средневековьем, имеет немало сторонников не только в рядах представителей постмодернистского искусства (вспомним известную фразу У. Эко о том, что "современность – это новое средневековье"), но и среди обществоведов левой, неомарксистской ориентации. В этой связи весьма симптоматичным выглядит прогноз И. Валлерстайна о перспективах развития западноевропейской цивилизации. "Не исключено, что мы переживаем конец модерна, современный мир находится в заключительной фазе кризиса и вскоре социальная реальность станет похожа, вероятнее всего, на реальность XIV века" [5. С. 9]

Применительно к социологии идеи постмодернистской философии послужили стимулом для создания новой методологии социального познания (З.Бауман, П.Бурдьё, А.Турен и др.), синтезирующей в себе ряд известных концепций – феноменологической социологии, социального интеракционизма, герменевтики, идей Франкфуртской школы. Однако в отличие от постмодернистского искусства, находящегося в оппозиции к традиционному реалистическому искусству, постмодернистская социология не порывает с традициями социологической дисциплины. В рамках указанной методологии основополагающие идеи «децентрализации» и «деконструкции» социального мира получают своеобразное истолкование. Так, близкий к социальной философии постмодернизма известный французский социолог А.Турен развивает мысль о том, что современная западная цивилизация

разрывается противоречиями между гражданским обществом и государством, институты которого не в состоянии контролировать и регулировать поведение людей в различных социальных сферах. "Мы наблюдаем конец длительного периода "прямого соответствия" между национальным государством, социальной организацией и культурными потребностями. Разрыв между этими тремя фундаментальными сферами – культурой, социальной организацией и государством – усиливается "триумфом индивидуализма", углубляющего расхождения между потребностями и целями индивида, с одной стороны, и государства, с другой стороны" [7. С. 65]. Отсюда он делает вывод о том, что основополагающее понятие социологии – понятие общества, предполагающее определенную целостность и интеграцию, мало пригодно для понимания новых социальных трансформаций. По его мнению, "идея общества в значительной мере представляет собой миф", так как современное общество не обладает институциональным и моральным единством. Однако оно обладает "единством драмы", и социологам в этой ситуации "уместно заняться исследованием разворачивающейся драмы", то есть тех противоречий между личностью, обществом и культурой, которые принесла с собой эпоха постмодернизма. Но французский ученый не разделяет пессимизма, свойственного многим сторонникам постмодернизма, отрицающим возможность рационально-научного понимания новых социальных реалий, и, в свою очередь, акцентирует внимание на изучение механизмов "символического господства", посредством которого правящая политическая элита устанавливает социальный порядок в обществе.

Гораздо ярче идеи постмодернистской идеологии звучат в трудах английского социолога польского происхождения З.Баумана. Отмечая усиливающийся динамизм социальной жизни, он подчеркивает принципиальную невозможность планирования и управления обществом как целостной системой, поскольку ее место заступают теперь хрупкие и непостоянные "островки порядка, разбросанные в огромном мире хаоса..." [8. С. 192]. Главная причина нарастания социальной неопределенности и хаотичности в общественном развитии, по его мнению, – это продолжающийся научно-технический прогресс, так как каждое новое техническое открытие после внедрения его в социальную практику приводит к множеству непредсказуемых и плохо контролируемых по-

следствий. Наиболее яркий пример такого рода – продолжающийся экологический кризис. Подобная оценка научно-технического прогресса весьма характерна для представителей социологии и философии постмодернизма, пессимистически оценивающих возможности научного знания в переустройстве социального мира. Поэтому не случаен радикальный вывод З.Баумана о том, что "стремление заменить хаос порядком, подчинить доступную нам часть мира правилам, сделать ее предсказуемой и контролируемой, вынуждено оставаться незавершенным, потому что само это стремление как таковое является главным препятствием на пути к собственному успеху. Каждая новая попытка упорядочить какую-то часть человеческого мира и сферу человеческой деятельности создает новые проблемы, даже если она и разрешает старые" [8. С.202]. Среди представителей постмодернистской социальной науки стала уже чем-то вроде клише мысль о том, что современная эпоха демонстрирует кризис "модернистского проекта", формирование которого восходит к эпохе Просвещения, и точка зрения З.Баумана вполне согласуется с этой формулой.

Разумно задаться вопросом: чем же в таком случае надлежит заниматься социальной науке, какие задачи она в силах решить? Отвечая на эти вопросы, З.Бауман призывает отказаться от старых макросоциологических подходов. Предпочтительнее заниматься, по его мнению, изучением отдельных частных проблем (которым и соответствует постмодернистская картина фрагментарного, разорванного мира. – М.К.), и каждая из этих проблем "имеет свое решение, а каждое решение имеет специфический инструмент и метод – их только надо найти". Следуя провозглашенному принципу, он анализирует новую социальную реальность в диалектически взаимосвязанных терминах, позволяющих, по его убеждению, адекватно передать текучесть и изменчивость социальной жизни – "свобода и зависимость", "вместе и врозь", "дарение и обмен", "власть и выбор", "порядок и хаос".

Проблема человека – другая важная тема постмодернистской социологии, неразрывно связанная с рисуемой ее сторонниками картиной новой диффузной и социальной реальности. Несмотря на некоторые различия в трактовке человеческой личности, большинство представителей данного направления акцентируют внимание на "децентрированности", расщепленности личности, озабоченной поисками собственной идентичности в неустойчи-

вом и изменяющемся социальном мире. Однако постмодернистская социология в отличие от постмодернистской литературы и искусства, отрицающих по сути дела целостность человеческой личности, лишаящих ее индивидуальности и самоидентичности, оставаясь верной традициями "понимающей социологии" (М.Вебер, Г.Зиммель, Чикагская школа и др.), пытается определить возможные пути самоактуализации и самоидентификации личности в контексте новых социальных и культурных реалий.

Удобнее начать обсуждение этой проблемы с концепции А.Гидденса, получившей широкий резонанс не только в западной социологии, но и в отечественной. По мнению английского социолога, в новой социокультурной ситуации "позднего модерна" человек постоянно сталкивается с двумя главными проблемами. – Расширение возможностей для самоактуализации личности или, по его терминологии, "максимализации человеческого я". Этот процесс самоутверждения личности он называет превращением индивидуального Я в "рефлексивный проект", что означает построение собственной жизненной стратегии на основе постоянного осмысления и переосмысления многообразного жизненного опыта, принципиальной частью которого становится выбор и осуществление различных жизненных стилей поведения, стимулированных культурным многообразием постиндустриального общества. – Проблема самоидентификации, необходимости постоянного самоутверждения и "верности самому себе", вызванных ощущением социальной неустойчивости и изменчивости социального бытия. Именно проблема идентичности личности становится центральной темой не только теоретической рефлексии, но и многочисленных эмпирических исследований, проводимых за рамками постмодернистской социологии в различных европейских странах, в том числе и в России, в связи с неустойчивостью социальной структуры в переходный период [9].

Актуальность проблемы социальной идентификации личности вызвана, прежде всего, серьезными изменениями в социальной структуре современного западного общества. Если в предшествующую эпоху относительно стабильного развития индустриального общества социальная устойчивость личности, ее идентификация обеспечивались принадлежностью к определенной профессиональной группе, политической партии, классу, национальной

общности, то в эпоху "позднего модерна", когда социально-классовая структура общества начинает размываться, а существующая культура предлагает множество стилей и образов жизни, фактически каждый человек начинает ощущать себя маргиналом и выбор жизненной стратегии поведения становится непростым делом. В этом смысле главным фокусом изучения человека в рамках постмодернистской социологии становится исследование ее в контексте повседневной жизни, которая противопоставляется внешнему и чуждому человеку миру технической рациональности. Следует отметить, что изучение бытия личности в рамках повседневности, безусловно, составляет одну из позитивных сторон постмодернистской социологии, продолжающей традиции известного социологического направления, получившего развитие в США еще в 70-е годы XX века (Г.Гарфинкель, А.Дуглас). Большая роль в проблеме самоактуализации личности отводится сфере интимно-личностных отношений, в особенности любовно-эротическим устремлениям и переживаниям, так как в них стремление человека к самоидентификации проявляется наиболее сильно. По словам З.Баумана, "быть любимым означает быть понятым... Взывая к пониманию, я добиваюсь одного – подтверждения того, что мой личный опыт (мои внутренние мотивы, мое представление об идеальной жизни, мой образ самого себя, мои беды и радости) реален. Мне нужно подтверждение моего представления о самом себе" [8.С.105]. Однако нигде, пожалуй, хрупкость межчеловеческих отношений не проявляется так сильно, как в любовно-эротических отношениях, ибо постоянная потребность во взаимопонимании и интимной близости и тесно связанные с ним растущие взаимные притязания людей взрывают изнутри хрупкий мир любви, и он, в конце концов, разрушается.

Поскольку чувство любви и возможность самоидентификации индивида в интимно-доверительных любовных отношениях являются непрочными и кратковременными, то он в своем стремлении к самоактуализации обращается к другим альтернативным жизненным стратегиям поведения. Наиболее доступными среди них являются те стили жизни и поведения, которые предлагает потребительский рынок. По словам З.Баумана, рынок выставляет "широкий набор идентичностей", из которого каждый может выбрать себе наиболее подходящую. Коммерческая реклама берет на себя показ продаваемых товаров в их социальном

контексте, то есть как часть какого-либо конкретного стиля жизни, и потенциальный покупатель может сознательно выбрать символы такой самоидентичности, какую он хотел бы иметь" [7.С.108].

Таким образом, благодаря предлагаемым потребительским товарам и услугам (особенно велико здесь влияние модной одежды и модных товаров) человек может выбрать тот стиль жизни и поведения, которые в максимальной степени соответствуют его интересам и представлениям и, таким образом, выбрать определенный образ жизни. Как это ни парадоксально, но именно потребительская активность становится главной сферой самоутверждения личности в эпоху постмодернизма. По словам З.Баумана, "именно потребительская установка превращает мою жизнь в мое индивидуальное дело, именно потребительская активность делает из меня индивида... В конце концов, кажется, что я состою из множества вещей, которые я покупаю и которыми владею: скажите мне, что вы покупаете, в каких магазинах вы это покупаете, и я скажу, кто вы" [7.С.218]. Польский социолог отнюдь не случайно выдвигает на первый план решения проблемы самоидентификации человека западного общества потребительское поведение и потребительские интересы, так как леворадикальная критика капитализма (Г.Маркузе), позиции, которые он разделяет, характеризует эту личность как "одномерного человека", страсти и влечения которого концентрируются, главным образом, на реализации потребительских интересов, обусловленных не только идеологией капитализма, но и, вероятно, природой самого человека, толкуемой в неофрейдистском духе как определенная совокупность бессознательных влечений.

О проблеме самоидентификации, самоактуализации личности на путях выбора жизненных стилей и стратегий, предоставляемых не только потребительским рынком, но и всей огромной системой массовой культуры, много и охотно пишут те сторонники постмодернистской ориентации, которые занимаются изучением социологии повседневности и культуры. Однако, на наш взгляд, всем этим работам присуща некоторая односторонность и односторонность, что проявляется в преувеличении автономии и свободы личности, игнорировании его социально-классовой принадлежности. Уместно в этой связи привести рассуждения английских социологов С. Мея и Э. Купера [1], критически настроенных в отношении постмодернистской методологии социального познания.

Признавая моральную желательность самоактуализации и самоидентификации личности на путях выбора различных жизненных стилей и стратегий, они при этом подчеркивают, что подобные возможности доступны далеко не всем людям западного общества, а только лишь материально обеспеченным слоям населения. Английские социологи справедливо замечают, что "способность субъекта к самоактуализации и самоидентификации зависит от его места в социальной иерархии и его доступа к культурным и материальным ресурсам. Классовые, половые, этнические и другие виды неравенства определяются в терминах различного доступа к различным формам самоактуализации. Хотя человек способен преодолеть эти социальные рамки, тем не менее отсутствие экономических и культурных ресурсов лишает индивидов возможности максимализировать свое Я, поэтому основная часть жизненного опыта большинства населения резко отличается от того образа жизни, о котором рассуждают теоретики постмодернизма. Заниматься самоопределением Я, управлять жизненными обстоятельствами можно только тогда, когда для этого есть деньги" [10.С.81]. С этой критической оценкой нельзя не согласиться, но справедливости ради следует уточнить, что выбор образов и стилей жизни доступен не всем представителям среднего класса, а прежде всего высшим слоям этого класса.

По мнению социологов постмодернистского направления, мир, в котором живет личность эпохи постмодернизма, децентрализован и фрагментарен, в нем нет организующего начала, это мир повседневности, в котором преобладают неустойчивость, неопределенность, рискованные ситуации. Поэтому особую значимость приобретает здесь "онтологическая безопасность личности", связанная с обеспечением устойчивости личного бытия индивида. По мнению А. Гидденса, эта онтологическая безопасность обеспечивается двумя факторами: во-первых, наличием экспертного знания, потребность в котором остро ощущается в различных проблемных ситуациях, когда сам индивид не в состоянии ее разрешить, таких, как, например, болезнь, судебная тяжба, поломка автомобиля и т.д. Без вмешательства эксперта нормальное течение повседневной жизни не может быть восстановлено. Так, врач поможет излечить болезнь, адвокат обеспечит необходимую правовую защиту, механик отремонтирует автомобиль.

Другим социально-структурным меха-

низмом, поддерживающим "онтологическую безопасность индивида" в постмодернистском обществе, служит, согласно А. Гидденсу, "секвестр социального опыта", то есть выключение из сферы нормальной повседневной жизни явлений, негативно воздействующих на психику и самочувствие человека. Этот "секвестр социального опыта" включает в себя душевные болезни, различные типы девиантного поведения, тяжелые болезни и смерти. Английский социолог верно замечает, что присущее постмодернистскому обществу расширение масштабов "секвестра социального опыта", в частности углубляющийся отрыв человека от природной среды, разделение гедонистической и репродуктивной функции полового поведения, приводит к "подавлению основных моральных и экзистенциальных компонентов человеческой жизни, которые, по сути дела, вытесняются на "обочину бытия" [3.С.167].

Известно, что личность не может нормально жить и развиваться вне социальных групп и организаций. Постмодернистские социологи, подчеркивая резкое ослабление роли социальных групп, классов и общностей, наряду с этим стремятся раскрыть и описать содержание "новой социальности", то есть новых форм коллективного и группового поведения. Одной из популярных трактовок "новой социальности" является концепция французского социолога М. Маффесоли. По его мнению, "новая социальность" характеризуется особым рода организационной солидарностью и "символическим измерением", привязанностью к общим культурным ценностям, особым типом коммуникации, нерациональными действиями и интересом к современности" [1.С.106]. Новая социальность противостоит традиционным социальным институтам, таким как семья, работа, политические партии, государство, церковь и др. Французский социолог убежден, что в лоне этих социальностей, с присущей им "общинной эмпатией", как раз и протекает значительная часть повседневной жизни человека в постмодернистском обществе. Главной особенностью новой социальности, выступающей в качестве культурной оппозиции традиционному и рациональному формам поведения, является эмоциональная насыщенность. С этой точки зрения повседневность объявляется "привилегированным местом" для реализации присущих человеческой натуре "дионисийских ценностей". Как видим, французский ученый воспроизводит известную концепцию Ф.Ницше о необходимости преобладания в европейской

культуре "дионисийского начала" с присущим ему буйством жизни, иррациональностью, брутальной жизненной энергией. По мнению М. Маффесоли, общество постмодернистской эпохи порождает новую форму "дионисийского культа", примеры которого он видит в распространении различных культурно-развлекательных сборищ (спортивных, музыкальных и др.), массовых празднествах и увеселениях, которым присуще преобладание оргастического начала и культа наслаждения. Эти массовые оргастические действия, по его убеждению, не играют, как в прошлом, разрушительной роли, а напротив, способствуют консолидации людей, устанавливая между ними символические связи.

Новые социальные объединения и движения в постмодернистской социологии получили название "номады", то есть племена, точнее неоплемена. Однако образуются они не на базе кровнородственных связей, как это было в далекие исторические времена, а скорее на основе эмоционально чувственного единства. Интегрирующим началом для формирования новых "номад" выступают культурные формы и действия – спорт (спортивные болельщики и фанаты), музыка (поклонники различных музыкальных стилей и звезд), мода (приверженцы определенного стиля одежды и поведения) и т.п. В отличие от классического трайболизма с присущей ему организованностью и стабильностью, неотрайболизм, по мнению социологов постмодернизма, характеризуется текучестью, непостоянством, пунктирностью и распыленностью. Эта изменчивая и фрагментарная социальность противопоставляется в социологии постмодерна старой структурно организованной социальности – классам, социально-профессиональным стратам, национально-этническим и демографическим объединениям людей.

Несколько иную трактовку сущности неоплемен дает З.Бауман. Верный своему критическому подходу, он считает, что эти новые социальности порождаются экономическими и социальными причинами, в основе которых лежат потребительские интересы людей и деятельность рыночных механизмов, порождающих различные стили и образы жизни людей. Выбирая определенный стиль жизни и поведения и соответствующие им вещные атрибуты, в изобилии предоставляемые рынком, человек-потребитель приобщается к тому или иному племени, члены которого исповедуют данный стиль жизни и соответствующие ей символы. "И больше ничего, или почти ничего, не надо

для того, чтобы считаться членом этой группы, кроме высказывания этих признаков: носить специфическую одежду, покупать специфические пластинки и слушать специфическую музыку, смотреть и обсуждать специфические телевизионные программы и фильмы, развешивать на стенах своей комнаты специфические украшения, проводить вечера специфическим образом и в специфических местах и т.д." [8]

Польский социолог обращает внимание на такую особенность неоплемен, как отсутствие в них четкой структуры и какого-либо контроля за членством в группе. К неоплеменам можно присоединиться и покинуть их по собственному желанию, "можно свободно перемещаться из одного неоплемен в другое (то есть надевать и снимать ту идентичность, в которой и заключается племя), просто переодеваясь, меня обстановку в квартире и проводя свободное время в другом месте. Неоплемена держат свои двери (если вообще они у них есть) широко открытыми". Однако свобода вхождения и выхода из неоплемен отнюдь не безгранична, справедливо заключает польский социолог, если сами неоплемена не заботятся о входе, то эту функцию берет на себя рынок, дифференцируя представителей социально-экономических групп по уровню их материально-экономического статуса. Разумеется, что наибольшими возможностями здесь обладают представители зажиточных слоев, к которым обычно относят людей с месячным доходом более 5000 долларов на человека.

Анализ двух версий постмодернизма позволяет заключить, что, несмотря на присущие им различия, их представители высказывают сходные оценки процессов, происходящих в западноевропейской цивилизации: усиление индивидуализма и проблем идентификации личности, резкое ослабление традиционных механизмов социальной интеграции человека, общества и культуры, усиление дифференциации различных субкультур и др. Выявление этих деструктивных последствий развития западноевропейской цивилизации указывает на то, что при определении исторических путей развития России недопустимо слепое копирование западной индустриальной модели, а следует опираться на уникальный опыт и самобытную культуру нашей страны.

Литература

1. Давыдов Ю.Н. Современность под знаком "Пост" // Континент. 1996. №8

2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Общественные науки и современность. 1997. № 4
3. Giddens A. The consequences of Modernity. Stanford, 1991
4. Giddens A. Modernity and self Identity. Cambridge, 1992
5. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется // Социс. 1987. № 1
6. Bauman Z. Intimation of Postmodernity. L., 1992
7. Touraine A. Two interpretations of contemporary social change // Social change and Modernity: Berkley, 1992
8. Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С.192
9. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1
10. May S. Cooper A. Personal identity and social change // Acta sociologia. 1995. V. 38
11. Алиева Д.Я. Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция М.Маффесоли // Социологический журнал. 1995. № 1

М.В.Новиков, Т.Б.Перфилова

Совет Европы и Россия: реформирование школьного исторического образования

Реформа школьного исторического образования является составной частью общей образовательной реформы, осуществляемой в России с конца 1990 года. Однако за все это время не появилось государственной концепции развития российского образования. Практическая деятельность работников образования может опираться лишь на Закон РФ «Об образовании», принятый в 1996 г., где сформулированы основные социальные, политические и культурные цели, достижение которых должна обеспечить сфера образования. В законе говорится: «Содержание образования должно обеспечивать интеграцию личности в национальную и мировую культуру, должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми и народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнооб-

разие мировоззренческих подходов, способность реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений». Закон провозглашает свободу и плюрализм в образовании, обращает внимание на гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности (над социальным и политическим заказом государства). В Законе называются наиболее важные воспитательные задачи образования: формирование гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье.

Наличие в Законе таких ориентиров имеет принципиальное значение. В этом отношении он как бы компенсирует отсутствие других документов, непосредственно регламентирующих задачи и развитие реформы – в том числе и в сфере исторического образования. Более того, в соответствии с Законом российское образование призвано решать задачи, во многом аналогичные тем, что стоят перед Советом Европы, осуществляющим поддержку реформы преподавания истории и образования в государствах бывшего Советского Союза и являющихся ныне государствами - членами Совета Европы или участниками Европейской культурной конвенции. Образовательная часть программы Совета Европы призвана содействовать:

- защите прав человека, фундаментальных свобод и плюралистической демократии;
- укреплению доверия и взаимопонимания между народами Европы;
- реализации личностного и профессионального начала у европейцев в течение их жизни.

Начиная с 1950-х годов, вопросы преподавания истории являлись приоритетными в деятельности Совета Европы, а ценность истории как предмета признается в связи с предоставляемой ею возможностью самоопределения людей на основе демократических ценностей, мира и согласия.

Совет Европы придерживается трех основных подходов в оценке исторического процесса:

- история вне пропаганды;
- история вне предвзятых взглядов;
- история, опирающаяся только на реальные факты.

Работа Совета Европы по реализации международных образовательных программ и проектов осуществляется в тесном сотрудниче-